

Мы продолжаем знакомство с художниками, входящими в общество SagArt e. V. В настоящее время на платформе SagArt e. V. лейпцигские художники объединились в союз, который насчитывает 33 участника. Сегодня на мои вопросы отвечает **Татьяна Майер**.

Татьяна Майер: диалог с холстом

– Первый вопрос, который я задаю всем: с чего всё началось у Вас, Татьяна? Ваши родители были художниками, или кто-то из окружения?

– Рисовать я начала ещё в школе. Жили мы тогда в деревне, жизнь была серая. Я стала рисовать, чтобы добавить красок в свою жизнь.

Одна наша хорошая приятельница решила познакомить меня со знакомым художником. Звали его Иван Хвостов. Он был лесником, но в свободное время занимался живописью. Жил он не для себя, а для людей. Дом его стоял на опушке леса, на обрыве реки, и каждую зиму он заливал с обрыва горку. Всё село собиралось у него, чтобы покататься на горке. Было очень весело. Это доставляло ему радость. Замечательный был человек.

Так мы начали с ним заниматься живописью и акварелью. Я ходила к нему каждую субботу. Даже если он болел, всё равно находил для меня время. Мой первый учитель, он никогда не брал с меня денег. Когда я приносила ему малиновое варенье, он радовался. Больше ему ничего не нужно было. Говорил: «Когда-нибудь ты будешь знаменита, и я буду тобой гордиться». Его кар-

тина в моей комнате напоминает мне всегда об этом человеке.

Среднюю школу я закончила с серебряной медалью. Передо мной стоял выбор – стать преподавателем или художницей. Быть преподавателем – это значит растить новое поколение и перенять ответственность за будущее страны. Коллеги моей матери были нашими близкими друзьями. Ученики всегда были в нашем доме желанными гостями. Я выросла в школе, жила в ней, и решила посвятить ей свою жизнь.

– Расскажите немного о себе, откуда вы родом, где учились?

– Родилась я на Урале, в городе Гае. Мой отец был военным, и когда он получал новое назначение, семья переезжала вместе с ним. Перед моим поступлением в институт мы жили в селе Илек.

Моя юность прошла в Оренбурге. Я училась в пединституте на факультете иностранных языков, где изучала немецкий и английский языки. Рядом с нашим учебным корпусом находилась Художественная академия. Там я познакомилась с другим художником. Он учил меня, как можно выразить с помощью цвета какие-то определённые

эмоции и намерения.

В это же время я работала в Доме писателей. Мы организовывали встречи между писателями, художниками, музыкантами и учениками, устраивали диспуты, дискуссии. Это была интеллектуальная и творческая атмосфера, которая оказала на меня большое влияние.

После окончания института я познакомилась с молодым человеком, который приехал на короткое время из Германии в Россию. Мы полюбили друг друга, и через год поженились. Я уехала с ним в Германию.

Здесь, в Германии, после дополнительной учебы в Дрезденском университете, я начала работать преподавателем немецкого языка для иностранцев, а также английского языка и искусства. В свободное время я посещала курсы профессиональных художников.

Большое влияние на меня оказали Яков Хесин и Лена Инджа. У Якова я училась классической живописи и иконописи, у Лены – импрессионизму. Потом я брала уроки живописи у художников в Италии – Паоло Касадеи и Джорджо Кавальери. Хассан Хаддад, художник из Ирака, тоже очень много дал мне в творческом плане.

Баян с сиренью (2012 г.)

Серия Пианино III (2012 г.)

Серия Пианино IV (2012 г.)

Гвоздики (2012 г.)

– Я выросла с Гогеном. В детстве я прочитала книгу С. Мозма «Луна и грош». Характер главного героя, прототипа Гогена, оказал на меня большое влияние. На меня произвёл большое впечатление этот человек, который из любви к искусству поправил социальные нормы, оставил благополучную жизнь. Меня это поразило. Литературный язык Мозма усилил это впечатление. Я узнавала в чётком выборе слов Мозма ясные цвета, четкие формы и линии Гогена.

Когда я брала уроки у Лены Инджа, она учила меня заниматься формой, не делать контуров. И в этот момент я поняла, что мне как раз контуры и нравятся. Если я что-то говорю, то это должно быть чётко и ясно. Такие формы и линии я нашла в Art Nuveau и частично переняла в своём творчестве.

У групп художников „Brücke“ и „Der blaue Reiter“ я училась радости цвета.

Не менее важным для меня является М. Врубель. Его профессионализм поистине уникален. Одну из его картин «Демон сидячий», которая висит в Третьяковской галерее, я писала с репродукций.

В начале творчества многие из моих картин имели какой-то важный для меня литературный сюжет. Постепенно это стало не так принципиально. Я начала концентрироваться на деталях, хотела увидеть и показать то, что видит не каждый, как например, в моей серии «Пианино».

– Татьяна, Вы частично уже ответили на этот вопрос, но всё-таки ещё раз, чтобы конкретизировать. Для чего всё это – остановить мгновение, передать его?

– Да. И поделиться с другими. Но не только это. Когда пишешь, возникает диалог с работой. Диалог между художником и полотном. Мне хочется что-то

выразить, а холст иной раз принимает, а иной раз не принимает это. Где-то цвета работают между собой в гармонии, где-то всё это распадается, спорит. Эта дискуссия очень увлекательна. Когда приходишь к общему знаменателю, чувствуешь эмоциональное удовлетворение. Все проблемы, вопросы – продашь, не продашь, – всё отходит на задний план.

Я не знаю, смогу ли я оставить когда-либо школу и быть только художницей. У многих художников есть ещё и вторая работа, иначе тяжело прожить.

Кроме того, быть преподавателем иностранных языков тоже интересно.

Это тот же диалог, только с учениками, с коллегами. И эта работа творческая. Мне важны обе дороги.

– И, наверное, последний вопрос. Что бы Вы могли, хотели бы посоветовать начинающим художникам?

– Не бояться рисковать. Я первое время очень боялась сделать что-то неправильно. А потом познакомилась с художником из Берлина, который даже не окончил школу и отправился путешествовать. Научился многим специальностям, и, в конце концов, решил посвятить себя искусству. Работы его хорошо покупали. Ему было совершенно не важно – похоже, не похоже. Важен был всплеск эмоций на полотне. Знакомство с ним очень мне помогло, раскрепостило меня.

Сегодня я могу сказать, что искусство – это язык личности. В 21 веке не существует более правильного или неправильного искусства. Вопрос в том, что человек хочет сказать. Обмен мнениями о формах искусства – это постоянный диалог.

*Анатолий Гринвальд,
Лейпциг*

В 2008 году у меня состоялась первая персональная выставка в Лейпциге. Потом последовал ряд выставок в Берлине, Риме, Лейпциге, Кремоне, Лондоне. За работу „Salsa (rot)“ я получила приз на конкурсе в Риме, в котором приняли участие 59 художников.

– Когда Вы впервые почувствовали себя художником?

– Я думаю, что быть художником – это умение видеть мир. Видеть красивое в том, что нас окружает, и создавать его самим. Это может быть слово, взгляд, движение. Я писала стихи и рассказы, долгое время увлекалась латиноамериканскими танцами. Всё, что я видела в жизни, мне хотелось передать другим людям, поделиться своими чувствами, мыслями, эмоциями. Для меня это всегда было стимулом.

– А Вы можете сейчас вспомнить, когда вы продали свою первую работу?

– Это было в 2008 году. Натюрморт. С того времени я продала много работ. Не только в Германии, но и в Италии, в Австралии...

– Кто оказал на вас влияние из классиков?

Серия Пианино II (2012 г.)

Серия Пианино VI (2012 г.)

